

- ¹⁰ Левинас, Э. От существования к существующему / Э. Левинас // Левинас Э. Избранное... С. 8.
- ¹¹ Ср. с кантовским утверждением: «Бытие не есть реальный предикат».
- ¹² Левинас, Э. Время и другой... С. 34.
- ¹³ Левинас, Э. От существования к существующему... С. 9.
- ¹⁴ Там же. С. 13, 38. М. Бланшо удалось, по мнению многих современников, описать в указанной работе ужас человека перед бытием, а также так называемую «практику ничто». См.: Бланшо, М. Тёмный Фома / Бланшо, М. // Бланшо М. Рассказ? Полное собрание малой прозы. – СПб. : Акад. проект, 2003. – С. 133–207.
- ¹⁵ Левинас, Э. Тотальность и Бесконечное... С. 82.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Левинас, Э. Открывая существования с Гуссерлем и Хайдеггером / Э. Левинас // Левинас Э. Избранное : Трудная свобода. – М. : Рос. полит. энц., 2004. – С. 162–312.
- ¹⁸ Левинас, Э. От существования к существующему... С. 8.
- ¹⁹ Левинас, Э. Тотальность и Бесконечное... С. 76.
- ²⁰ Левинас, Э. Время и другой... С. 22.
- ²¹ Там же. С. 43.
- ²² Левинас, Э. Тотальность и Бесконечное... С. 81.
- ²³ Там же. С. 84.
- ²⁴ Левинас, Э. Бог, смерть и время / Э. Левинас // Метафизические исследования. – Вып. 10. – С. 240.
- ²⁵ Это лейтмотив всей работы Левинаса «Время и другой».
- ²⁶ Левинас, Э. Время и другой... С. 76.
- ²⁷ Levinas, E. Diachronie et representation / E. Levinas // Entre nous : essais sur le penser-a-L'Autre. – Paris, 1991. – P. 183.
- ²⁸ Левинас, Э. Тотальность и Бесконечное... С. 78.
- ²⁹ Там же. С. 85.
- ³⁰ Там же. С. 70.
- ³¹ Там же. С. 72.
- ³² Левинас, Э. Философия, справедливость и любовь / Э. Левинас // Путь в философию : антология. – М. : Университет. кн., 2001. – С. 320–329.
- ³³ Левинас, Э. Время и другой... С. 81.

Я. А. Кирсанов

**МЕТАФОРА МАШИНЫ ВЛАСТИ В «ЛЕВИАФАНЕ» Т. ГОББСА:
МЕХАНИЦИСТСКАЯ И АБСОЛЮТИСТСКАЯ ТРАДИЦИИ ДИСКУРСА**

В статье анализируется метафора машины власти в трактате Т. Гоббса «Левиафан». Данная метафора служит архетипом для двух взаимосвязанных традиций новоевропейского дискурса – традиций механицизма и абсолютизма. Введенная Гоббсом метафора создала общее семиотическое поле для понятий «рациональности», «техники» и «власти», тем самым обогатив дискурс западной культуры.

Ключевые слова: машина власти, Т. Гоббс, «Левиафан», бюрократия, механицизм, абсолютизм, аппарат власти.

Метафора машины власти – одна из центральных в дискурсах Нового Времени. Выражения «государственная машина», «бюрократический механизм», «аппарат власти» прочно вышли в качестве клише не только в язык научно-публицистической риторики, но и повседневное общение. Метафора неоднократно находила воплощение в искусстве (литературном, изобразительном, театральном и т. д.), определяла эстетику целых направлений, становилась объектом постмодернистской игры. Метафора органично объединяет в себе два ключевых феномена культуры Нового Времени – феномен техники (и связанный с ней спектр проблем – социальных, экономических, этических, философских и т. д.) и феномен власти. Взаимосвязь феноменов техники и власти обусловлена рядом хозяйственно-экономических и культурно-исторических факторов, способствовавших как экстраполяции технических принципов на властные процессы, так и усилению властной маркированности техники. Соответственно, можно говорить о мощном архетипе «машины власти» как основополагающем для европейской культуры Нового Времени, и соответственно, о крайне продуктивной рабочей мифологеме, используемой художниками, политиками и учеными. В данной статье рассматривается возникновение данной метафоры в европейской культуре Нового Времени, причем основное внимание уделяется теории государства Т. Гоббса, популяризовавшей и органично вписавший этот образ в дискурс эпохи.

Метафора возникла в контексте механистической традиции Нового Времени, для которой характерна экстраполяция принципов машины на явления окружающего мира. В механицизме машина выступала в качестве универсальной модели бытия, а также новой рациональной системы мышления. Выражаясь термином И. Лакатоса, механицизм стал «метафизическим ядром» складывающейся парадигмы.

Механицизм формируется на волне увлечения причудливыми, сложными механизмами (шарманки, музыкальные шкатулки, часы, счетные устройства, куклы, заводные автоматы). По словам Ж. Бодрийяра, «...подделка составляет господствующий тип «классической» эпохи, от Возрождения до промышленной революции...»¹ «Подделка идет на всех уровнях, от ложного жилета (только спереди) до лепных интерьеров и грандиозных театральных машин барокко... Начиная с Возрождения театральность охватывает все формы социальной жизни и архитектуры»². В свою очередь, автоматы стали идеальным воплощением театральности и искусственности культуры Нового Времени, продуктами игровой демиургии Нового Человека.

Возникновение механицизма совпадает также с укреплением и централизацией власти в Европе или, пользуясь терминологией Фуко с образованием «дисциплинарных обществ». Л. Мэмфорд отмечает корреляцию 2-х процессов, получивших развитие в Европе XVI–XVII вв: 1) централизации политической и военной власти, формирования абсолютизма и 2) совершенствования техники, распространения механистического мировоззрения³. По сути, механистическая картина мира стала тем типом рациональности, которой был положен в основу социальной политики эпохи. Для абсолютного монарха (а впоследствии и для промышленника, менеджера и технократа) механические часы или заводной автомат являлись моделью тотальной управляемости, рационального порядка. Регулярность, иерархичность, проницаемость управления в машине становятся желанными характеристиками власти в рамках абсолютной монархии. Государство-машина, подданные-автоматы – данные мифологемы формируются именно в абсолютистском дискурсе Нового Времени.

Абсолютистский дискурс (в рамках рационалистического дискурса Нового Времени) основан на проектом мировосприятия⁴, т. е. реальность (в данном кон-

тексте социальная реальность) воспринимается как активно моделируемая конструкция. Государство как сотворенная машина (или проект) рационально и понятно именно в силу своей искусственности. Монарх предстает в виде механика, обладающего знанием-властью над своим творением. Соответственно, в данном контексте затрагивается взаимосвязь власти и знания⁵.

Абсолютистское государство той эпохи развилось в сложный, упорядоченный механизм, в отношении которого довольно удачно применялась машинная метафора. По словам К. Шмидта, «Его (государство) можно <...> рассматривать как первое порождение технической эпохи, как первый из великолепных механизмов Нового времени – как *machina machinatum*, по удачному выражению Гуго Фишера. С возникновением этого государства не только была создана существенная духовно-историческая или социологическая предпосылка последующей индустриально-технической эпохи: оно само уже явилось типическим, даже прототипическим продуктом новых времен, времен техники»⁶.

Рассматривая возникновение метафоры «машина власти» необходимо обратиться к теории Т. Гоббса. Именно Т. Гоббс впервые вводит в дискурс Нового Времени мифологему «машины государства», создав общее семиотическое поле для понятий «техника» и «власть». По словам К. Шмидта, «идея государства как созданного людьми, технически совершенного *magnum artificium*, машины, которая находит свое «право» и свою «истину» только в себе самой, в своей функции и ее результатах, впервые была сформулирована Гоббсом, придавшим ей систематический вид ясного понятия»⁷.

Под влиянием механицизма Р. Декарта, Гоббс также первым создает законченную систему механистического материализма, в рамках которой машине уподобляется как человек, так и наиболее грандиозное его творение – «государство». Программным изложением механистических воззрений мыслителя начинается введение «Левиафана»:

«Человеческое искусство (искусство, при помощи которого Бог создал мир и управляет им) является подражанием природе как во многих других отношениях, так и в том, что оно умеет делать искусственное животное. Ибо, наблюдая, что жизнь есть лишь движение членов, начало которого находится в какой-нибудь основной внутренней части, разве не можем мы сказать, что все автоматы (механизмы, движущиеся при помощи пружин и колес, как, например, часы) имеют искусственную жизнь? В самом деле, что такое сердце, как не пружина? Что такое нервы, как не такие же нити, а суставы – как не такие же колеса, сообщающие движение всему телу так, как этого хотел мастер? Впрочем, искусство идет еще дальше, имитируя разумное и наиболее превосходное произведение природы – человека. Ибо искусством создан тот великий Левиафан, который называется Республикой, или Государством (*Commonwealth, or State*), по-латыни – *Civitas*, и который является лишь искусственным человеком, хотя и более крупным по размерам и более сильным, чем естественный человек, для охраны и защиты которого он был создан. В этом Левиафане верховная власть, дающая жизнь и движение всему телу, есть искусственная душа, должностные лица и другие представители судебной и исполнительной власти – искусственные суставы; награда и наказание (при помощи которых каждый сустав и член прикрепляются к седалищу верховной власти и побуждаются исполнить свои обязанности) представляют собой нервы, выполняющие такие же функции в естественном теле; благосостояние и богатство всех частных членов представляют собой его силу, *salus populi*, безопасность народа, – его занятие; советники, внушающие ему все, что необходимо знать, представляют собой память; справедливость и зако-

ны суть искусственный разум (reason) и воля; гражданский мир – здоровье, смута – болезнь, и гражданская война – смерть»⁸.

Из данного отрывка следует, что восприятие государства в качестве машины происходит в рамках механистического восприятия всего мироздания («жизнь – лишь движение членов»). Создание «искусственного» (неживого, но и не мертвого) является человеческим искусством, имитирующим деятельность Бога – «Протомеханика» (Artificer). Уподобление человека автомату осуществляется косвенно: посредством «оживления машин», причем в качестве примера автоматов Гоббс использует часы, таким образом, вновь эксплуатируя мифологему «мир-часы». Поскольку мир машиноподобен, то и процесс творения – есть процесс создания машины. В свою очередь, государство, «искусственное животное», результат человеческого искусства – также является машиной высшего порядка, имитирующей строение своего создателя – Человека. Подобно человеку Левиафан имеет внутреннее строение: его тело состоит из более мелких «политических тел» (группы людей, «которые сопоставимы со сходными частями, или мускулами, естественного тела»), в государственном организме имеются суставы («представители судебной и исполнительной власти»), нервы («награда и наказание»), кровь («деньги»); государство также питается (ресурсами, товарами, золотом и т. д.) и производит потомство (колонии). Это дает возможность называть государство репродуктивной машиной.

Образ государства у Гоббса неоднозначен, включая в себя сразу несколько взаимосвязанных образов; по сути, мы имеем дело с четырьмя образами: «Смертного Бога», большого человека, огромного животного и грандиозной машины, созданной человеческим искусством и изобретательностью. Государство Гоббса, таким образом, синтезирует в себе целый ряд смежных по отношению друг к другу мифологем, присущих дискурсу Нового Времени (общество-машина, общество-организм, человек-машина, человек-животное и т. д.) В частности, такие характеристики тоталитарного государства как антропоморфность и механистичность неоднократно отмечались в работах Э. Канетти, В. Паперного и И. Голомштока. Сочетание органического и механистического подходов как к политико-правовым вопросам, так и другим аспектам человеческого бытия, характерная особенность позиции Гоббса. Более того, в трактате обозначены магистральные научные метафоры (общества – машины и общества – организма), легшие в основу последующих философских учений об обществе. Таким образом, Т. Гоббс не только являлся создателем оригинальной социальной теории, как это отмечает К. Шмидт, но также существенно повлиял на более поздние механицистские и органические концепции.

Машиноподобный порядок, устанавливаемый с помощью насилия или общественного договора, становится единственной возможной альтернативой иррациональному хаосу «природного состояния». Неограниченная власть индивида сменяется неограниченной властью государства, носителем которой становится суверен или группа лиц. Власть государства, в свою очередь, абсолютна и неделима. «Ибо делить власть государства – значит разрушать ее, так как разделенные власти взаимно уничтожают друг друга». Суверен становится воплощением государственной власти, «смертным Богом», «... которому мы под владычеством бессмертного Бога обязаны своим миром и своей защитой»⁹. Суверен не наказуем и обладает верховной законодательной, исполнительной и судебной властью. Его власть ограничена лишь рамками божественной воли и естественным законом. Он также выступает в роли «души» Левиафана в соответствии с картезианским представлением о человеке, как механизме, наделенном душой.

Целостность государства, по Гоббсу, это единство, основанное на страхе (пе-

ред анархией с одной стороны, карой суверена с другой) и силовом принуждении. В этом Гоббс солидарен со своими предшественниками, подчеркивающими репрессивный характер государства. Более того, существование государства вне насильственной власти невозможно.

Абсолютная монархия, по Гоббсу, является идеальной формой правления. Как уже отмечалось ранее, с централизацией политической и военной власти влияние получают именно механицистские теории. Убежденный роялист Гоббс создал модель государства, соответствующую интересам абсолютистской идеологии: государство как идеально контролируемая машина, состоящая из человеческих деталей. Функциональность, слаженность и тотальная проницаемость абсолютистского государства получили в «Левиафане» теоретическое обоснование, в то время как модель государства-машины продолжала активно внедряться на европейском континенте Нового Времени. Таким образом, в труде Гоббса зафиксированы тенденции дальнейшего развития государственной власти в Европе.

Примечания

¹ Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – М. : Добросвет, 2000. – С. 113.

² Там же. С. 115.

³ Эта идея – центральная в его масштабном труде «Миф о машине». Подробнее о корреляции процессов централизации власти и распространения механицизма см. в изд.: Mumford, Lewis. The myth of the machine : the pentagon of power / Lewis Mumford. – N.-Y. : Harcourt Brace Jovanovich, 1970.

⁴ Неслучайно в научном дискурсе культура Нового Времени зачастую именуется «проектной культурой».

⁵ Идея знания как источника власти имеет корни в средневековой оккультной традиции (алхимия, герметизм и т. д.), сформированная в Новое Время европейская наука унаследовала и популяризовала данное представление. Научное обоснование взаимосвязи власти и научного знания было осуществлено в работах Б. Рассела, Л. Мэмфорда и М. Фуко.

⁶ Шмидт, К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса / К. Шмидт. – М. : Владимир Даль, 2006. – С. 154.

⁷ Там же. С. 174.

⁸ Гоббс, Т. Сочинения : в 2 т. Т. 2. – М. : Мысль, 1991. – С. 6.

⁹ Там же. С. 133.

Д. В. Катаев

КАТЕГОРИАЛЬНО-ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ СОЦИОЛОГИИ МАКСА ВЕБЕРА В ТЕОРИЯХ ОРГАНИЗАЦИИ И УПРАВЛЕНИЯ

В статье рассматривается критика и дальнейшее развитие основных категорий рациональной организации Макса Вебера представителями структурно-функционального и системного подходов. Анализируется интерпретация и применение теоретико-методологических основ веберовской парадигмы в теоретических и эмпирических исследованиях в социологии организации.